

Лариса ВЕРБИЦКАЯ: Эфир – это мой необитаемый остров

Беседовал Александр Славуцкий

Утренний эфир на всех каналах выглядит примерно одинаково: за 2-3 часа зрители узнают самые последние новости из политической, экономической, спортивной, культурной жизни России и других стран. В студию приходят гости – известные политики, актеры, режиссеры, спортсмены, художники, музыканты. Однако все эти утренние информационные шоу своим появлением на свет обязаны «первопроходцу» утреннего эфира – телеканалу «Доброе утро», возникшему (правда, под другим названием) еще в августе 1987 года. Заслуженная артистка России Лариса Вербичская, которая с самого начала работает в программе, по праву может гордиться тем, что она причастна к формированию этого жанра на отечественном телевидении. Однако ее телевизионная карьера началась еще до 1987 года.

И. МАЛЫНКО/СПЕЦКОММУНИКАЦИИ

— Лариса, до прихода в программу «Доброе утро» вы вели развлекательные передачи. Как вы попали в утренний эфир?

— Меня пригласил поработать с ним в паре на утреннем эфире Владимир Молчанов. Он же изобрел формат программы: интервью, музыка, новости. Сама утренняя программа существовала еще до того, как возникло «Доброе утро». Дикторы читали новости, озвучивали какие-то литературные куски, делали вместе с телезрителями зарядку. Приходилось за время, пока шел музыкальный номер, успевать переодеться в спортивный костюм.

— Что для вас было самым трудным?

— Труднее всего идти вступать. Мы создавали программу, какой еще не было, причем с российской спецификой: с большей сентиментальностью, задушевностью, чем существовавшие западные аналоги. И физически было сложно. Поначалу работали неделями — каждые семь дней одна бригада сменяла другую. Ежедневно в половине четвертого утра за мной приходила машина, в четыре я была уже на работе — время, мягко говоря, нехарактерное для ясности ума и трезвости мысли. А в 7 утра мы выходили в эфир. Ни судлеров, ни помощников не было — весь текст приходилось запоминать.

— Ваша программа, меняя формат и название, существует семнадцать с половиной лет. Какие задачи вы перед собой ставите сейчас, когда, с рассветом выходя в эфир, говорите фразу «Доброе утро»?

— Само название программы предопределяет ее настроение, и когда включается телекамера, я забываю обо всех своих проблемах, всем том, что не касается моей работы, и дарю людям свою теплоту, участие и знаю, что они это ценят. Я словно влюбляюсь в своего воображаемого зрителя, с которым разговариваю с экрана телевизора. На время эфира он становится для меня самым дорогим и близким человеком. А мое восприятие реальности в течение трех часов эфира изменяется, я как будто бы переставляю для себя существовать и испытывать ни на что не похожее ощущение. Эфир — это мой необитаемый остров, на котором

жизнь течет по своим собственным законам.

— А еще прямой эфир нередко сравнивают с наркотиком.

— Нет, с этим я не соглашусь. Наверное, каждый человек исходит из тех ассоциаций и сравнений, которые ему близки. Так что наркотик — это точно не мое. В юности я занималась легкой атлетикой — прыжками в высоту. Прыжки во время тренировок отталкиваются не от земли, а от пружинящего мостика. Такой полет через планку длится гораздо дольше, и за эти несколько секунд можно корректировать технику прыжка. Так что свои ощущения во время эфира я бы могла сравнить с полетом.

— Интересно, а как тянется время во время эфира: растягивается или сжимается?

— Я очень точно ощущаю время, для меня это чрезвычайно важно, потому что мне иногда нужно заполнить паузу в семнадцать секунд или минуту тридцать. Эти секунды становятся для меня настолько материальными, что никакой секундомер мне уже не нужен. Во время эфира имеют значение даже различия мелочи. И то, как ведущий держится и смотрит в камеру. В думающих глазах телезритель прочитывает гораздо больше, чем ведущий может и имеет право сказать словами.

— Вам не обидно, что программе, в которую вложено столько труда и сил, зритель смотрит урывками, между ванной и кухней, нарезая бутерброды, собирая детей в школу?

— Я не совсем с вами согласна и думаю, что зрители нас смотрят не менее внимательно, чем дневные или вечерние программы. Об этом я могу судить по письмам, приходящим в наш адрес. Порой люди делают очень точными и неожиданными наблюдениями. И у нас есть все основания считать, что наш зритель очень внимателен и требователен, поэтому, каждый новый эфир превращается для меня в своеобразный экзамен. Так что никаких обид на положение в сетке и ощущения, что мы трудимся зря, у меня не возникает. Внимательный зритель все замечает.

— Вы скакали, к вам приходят письма. Интересно, о чем же вам пишут?

— Большую часть почты составляют просьбы о помощи: с деньгами, с лекарствами, в лечении и так далее. Чаще всего у меня нет полномочий решать такие проблемы. При этом я не перестаю удивляться тому, насколько зрители, пишущие письма, открыты и не стесняются говорить о своих сокровенных проблемах, которые можно доверить только очень близкому человеку. Я благодарна им за такую открытость, ведь это тоже своеобразный кредит доверия.

— Вы красивая женщина, так что часть почты, думаю, составляют и письма с признаниями вам в любви.

— Такое тоже бывает. Впрочем, письма со словами благодарности я получаю не только от мужчин, но и от женщин, а это особенно приятно.

— Открою нашим читателям тайну, что в прямом эфире программа выходит на Владивостоке, а на Москву ее показывают в записи. Так что я представляю, в каком состоянии души и сознания к вам на эфир в десять-одиннадцать вечера после посещения различных культурных и иных мероприятий порою приходят артисты и политики.

— Это уже скорее из области досуговых журналистских баек. Ведь все наши гости — люди достойные, уважаемые, которые многого достигли на политической арене или театральных подмостках. Поэтому они обладают большим чувством ответственности и ощущают, что на них смотрят миллионы зрителей. Так что подобные инциденты за всю историю программы можно пересчитать по пальцам. Но после фразы «Мотор! Вы в эфире!» мои гости мгновенно собирались и вели себя предельно четко. Чем всех нас приятно удивляли.

— Наверное, во время эфира, особенно прямого, постоянно происходят всевозможные сбои.

— Ну да, чего только не случается. Бывает, что не запускается сюжет и приходится импровизировать, заполняя возникающую паузу. Иногда за несколько минут до интервью выясняется, что анонсировавшийся гость к нам приехать не может, и тогда всей командой оперативно решаем, что поставить взамен. Недавно был случай, когда за семнадцать секунд

до выхода в эфир мне сообщили, что появился гость, его зовут так-то (правда, его имя мне ничего не сказала), с которым я должна семь минут поработать в прямом эфире. Передо мной положили листы с информацией о нем, которую успели вытащить из Интернета. Тогда я сказала себе: «Стоп, ну ты же можешь поговорить с незнакомым человеком семь минут. Вот и будешь с ним знакомиться в прямом эфире». Пробежав по диагонали несколько листов, я узнала, что он эстет, любит одеваться у дорогих модельеров, увлекается живописью. И когда через несколько мгновений он оказался перед камерами, я уже была готова начать беседу. Так что опыт берет свое, и интервью получилось.

Я словно влюбляюсь в своего воображаемого зрителя, с которым разговариваю с экрана телевизора. На время эфира он становится для меня самым дорогим и близким человеком.

— Еще я слышала, что однажды во время прямого эфира буквально перед вами взорвалась камера...

— Точнее — лампа. Это было довольно давно. Сейчас на телевидении используется новое поколение надежных и безопасных осветительных приборов, а раньше применялись тяжелые лампы прожекторы, которые разрывались, когда перегорали. И вот однажды во время эфира надо мной «хлопнул» такой фонарь, и осколки посыпались на плечи, на волосы, прожигая маленькие дырочки на костюме. Зрители, конечно, заметили, что цвет картинка на экране изменился, но мне удалось сохранить полное самообладание.

— Вам не кажется, что за эти годы вы переросли формат программы и что человек с вашим опытом и именем мог бы давно делать авторскую программу?

— Во-первых, одно другому не мешает, а во-вторых, я не боюсь повторяться, когда говорю, что на нашем телевидении нет ни одной другой программы, которая выходила бы так часто и в таком объеме на протяжении стольких лет. Одно из качеств, которое я очень высоко ценю, — это постоянство. И наоборот,

горжусь тем, что причастна к созданию нового информационно-развлекательного жанра на отечественном телевидении. К тому же это очень интересная работа. Ведь профессия дает мне возможность общаться с потрясающими людьми. За эти годы у нас были премьер-министры различных стран, звезды отечественного экрана и Голливуда, выдающиеся художники, спортсмены, известные во всем мире.

— К тому же она является и своеобразной кузницей телевизионных кадров. Ведь через нее прошли такие ребята, как Добродеев, Киселев, Дибров, Веденеева, Осокин... Каковы ваши отношения с ними сейчас?

— Нормальные, при встречах мы, конечно, интересу-

ем, как дела, обмениваемся новостями, ведь так или иначе мы остаемся коллегами. Например, с моим первым партнером по утреннему эфиру Володей Молчановым мы и сегодня иногда работаем вместе как ведущие различных концертных программ и торжественных церемоний. Но сказать, что на телевидении есть дружба, наверное, нельзя. Нет, это партнерство, умение делать общий телевизионный продукт. Работать и дружить невозможно, это совершенно различные формы отношений. Работа требует жесткости, умения спросить, профессионализма, ну а дружба — это совсем другое.

— И все-таки они бросили программу, а вы остались. И многие из этих ребят во дальнейшем взмыли очень высоко. Признайтесь, не завидуете ли вы им порой, ведь, вероятно, и ваша карьера бы могла сложиться совсем иначе, если бы вы покинули программу?

— Какая зависть, что вы? Ведь многих из них уже давно нет в эфире. Да и что значит: нас бросили? Они ушли, и это их личное дело. А потом есть люди, которым свойственно бегать с канала на канал из программы в программу и создавать види-

мость активной деятельности. Это их право. И я никого не осуждаю.

— Кроме телевидения вы также нередко выезжаете и различные концертные мероприятия. И как мне рассказывали, на одном из них, проходившем почему-то в Африке, вы попали в очень непростую ситуацию.

— Да, это было в 2000 году, когда Международный фестиваль народов мира почему-то решили проводить в Алжире. Там я представляла российские культурные программы. До этого мне приходилось вести концертные программы на английском языке в Португалии во время Международной выставки «Экспо-98», на сербском — в Белграде, когда представляла нашу культуру в Югославии. А тут фестивальная программа в бывшей французской колонии! Кому там нужны мои английский, русский, сербский или остатки молдавского? Алжирскому переводчику пришлось за одну ночь сделать транскрипцию текста, да еще с учетом местного диалекта! А у меня в распоряжении, как у студента перед экзаменом, была только ночь, чтобы выучить свое выступление наизусть! Но я достойно вышла из ситуации. И после концерта на приеме посол очень заинтересовался, где я учила арабский язык. Особый интерес у него вызвало то, что я говорила не на чистом арабском, а с алжирским диалектом! И такого образования, по его словам, в России не дают ни в МГИМО, ни в каком-либо еще университете.

— Раз уж мы заговорили про Африку, то не могу не вспомнить и ваше участие в «Последнем герое». Как ваши домашние отнеслись к этой авантуре?

— Сперва не поверили, потом смеялись, а после того, как я оказалась там и психологи им регулярно отзванивали и сообщали, что у меня все в порядке и я из игры еще не выбыла, муж всем говорил: «Вы еще не знаете, какой она у меня боец». Они мною гордились.

— Наверное, после острова у вас осталось немало ярких воспоминаний?

— Довольно много. Вот только одно из них. Мы возвращались с последнего совета. Был солнечный ясный день, и вдруг появились огромные серые облака и по-

шел страшной силы тропический ливень, а еще через какое-то время над нами стала кружиться стая черных пеликанов. В этом было даже что-то устрашающе мистическое, джунгли как будто не хотели нас отпускать. Но на следующий день чудеса продолжались. Когда в аэропорту Санто-Доминго из непромокаемого рюкзака я достала насквозь мокрый паспорт, мне пришлось довольно долго объяснять пограничникам, в чем дело.

— На острове было весело?

— Это не совсем то слово, я бы сказала — интересно. Хотя мы оказывались в самых различных ситуациях. Было смешно, было и тоскливо, а также холодно и даже грязно. Представьте, у нас с собой ни зубных щеток, ни шампуня, ни расчески, ни еды. Время, проведенное на острове, дало мне возможность испытать характер, силу воли, свою жизненную зрелость. Так что это для меня очень важный период жизни, с ним у меня связаны очень дорогие воспоминания, которые я храню в особом уголке своей памяти.

— Как домашние относятся к вашей работе, при которой вам приходится уходить, когда все уже спит, и возвращаться, когда все уже проснулось?

— С уважением и пониманием. И когда бы я ни пришла: в полчетвертого утра или в два часа ночи, меня встречают и ждут.

— На какие-либо домашние дела вас хватает?

— Неужели я произвожу впечатление человека, который ничего не умеет своими руками?

— Но вы ведь можете позволить себе взвалить все домашние обязанности на нянь, служанок, поварих...

— Сперва не поверили, потом смеялись, а после того, как я оказалась там и психологи им регулярно отзванивали и сообщали, что у меня все в порядке и я из игры еще не выбыла, муж всем говорил: «Вы еще не знаете, какой она у меня боец». Они мною гордились.

— Наверное, после острова у вас осталось немало ярких воспоминаний?

— Довольно много. Вот только одно из них. Мы возвращались с последнего совета. Был солнечный ясный день, и вдруг появились огромные серые облака и по-

— Вы знаете, моя работа настолько публична, что мне совершенно не приходит в голову создавать некую публичность еще и дома. Ведь я могу восстанавливаться и отдыхать только в тишине и покое. Общения с посторонними людьми хватает и на работе, а дома я хочу видеть только близких. Кроме того, мне нравится заниматься домашними делами, и в том числе готовить. Люблю здоровую, не слишком калорийную пищу, и предпочитаю знать, что именно я ем.

— Я слышал, что ваш сын открыл собственную фирму и, можно сказать, процветает?

— Да, сын занимается юридическим делом. Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, говоря, что он процветает. Максим старается, я за него рада и горжусь, что он пошел самостоятельным путем.

— А дочь чем занимается?

— Через два с небольшим года Инна заканчивает школу, и уже пришло время задуматься, кем она будет дальше, тем более что школьная реформа подразумевает раннюю специализацию. Так что мы сейчас на распутье: то ли журналистика, то ли пиар-технологии.

— Летом, насколько мне известно, очень много времени вы проводите на даче.

— Дача у нас недалеко, всего в 30 километрах от Москвы. Участок довольно большой, поэтому одно из главных моих увлечений — это мой сад, который я люблю, осваивая, за которым сама ухаживаю.

— Известно, что разведение цветов — это ваша настоящая страсть.

— Действительно, цветов у меня море. Черенки, лилии, гиацинты, розы, всевозможная живучка, шиповники... Впрочем, я могу долго все это перечислять. Но поскольку дача у нас стоит прямо в хвойном лесу, то участок довольно тенистый, и цветы, стараясь дотянуться до солнца, вырастают довольно высокими. Тюльпаны сантиметров на 70 от земли поднимаются, а лилии у меня вообще шикарные, с крепкими мощными стволами, вымахивают на метр. А чтобы приблизить цветы к солнцу, делаем альпийские горки, на которых цветам настоящие разлоды.

— А еще на даче вы обзавелись и верным и преданным другом — лохматым песом Джонни «дворянских» кровей.

— Джонки к нам приехал сам. Как-то летом в один прекрасный день мы увидели на дорожке возле дома маленького лохматого песика с поводком и ошейником. Сидит и смотрит из-под челки. Мы даже не поняли, какой он породы: вроде похож на терьера, но видно, что кровей там намешано много. Подумали, что потерялся, но под ошейником нашли бумажку, на которой была написана только кличка — Джонни. Муж предложил ему сосиску, и собачка, хоть и была очень голодной, взяла ее из рук осторожно, тактично, одними губами, чтобы случайно не прикусить человека, чем покорила наши сердца. Так он у нас и прижился.

Слова

Вера Паголева:

— До «Последнего героя» я была знакома с Ларисой лишь шапочно, несколько раз мы пересекались на различных концертных мероприятиях, ну и, конечно, она была мне известна в качестве телеведущей. Когда же мы оказались вместе с ней на необитаемом острове, то для себя открыла ее совершенно с другой стороны. Это замечательный человек, в котором удивительным образом сочетаются живой ум и воля, женственность и решительность, способность принимать решения самой и прислушиваться к мнению окружающих и признавать свои ошибки. Знаете, далеко не каждый состоявшийся человек на это способен, но Лариса является исключением. Да и не только в этом плане, но и во многих других своих проявлениях она является приятным исключением из общего правила.

Наша справка

Лариса Вербичская родилась в Феодосии, в Крыму, в необычном месте, где жили Айвазовский, Волошин, Цветаева. Стихи она любила с детства, так же как пение и прозу. Ей безумно нравились кино и театр, но родители (мама телеведущей всю жизнь проработала старшей операционной сестрой, а отец был военным) твердили: «Ты должна хорошо учиться в английской школе, поступить в МГИМО и стать послом Советского Союза». В школе Лариса всегда была лидером: комсоргом, секретарем комсомольской организации. В 3-м классе она сама создала драмкружок. Ее часто замечали «киношные» люди — Ролан Быков, например. Но на экран Лариса попала без его помощи. Участвовала в дикторском конкурсе и победила, стала единственной женщиной-диктором на молдавском телевидении. Муж Александр — человек разносторонний. По своей первой профессии он оператор: работал в Кампучии в разгар трагических событий, на «Центрнучфильме», в рекламе. Как режиссер ставил в концертном зале «Россия» творческие вечера композиторов Ошанина и Новикова. Сын Максим мечтал стать, как и отец, оператором, но все же поступил на юридический. А дочка Инна, помимо школы, занимается балетом и рисует.